

Т. В. Леонтьева

Пространственно-динамические модели номинации интеллектуальных действий и характеристик человека в русских народных говорах

В той части лексики русских народных говоров, которая призвана называть мыслительные действия, характеристики или умственную несостоятельность, обращает на себя внимание группа слов и выражений, воссоздающих картину некоего пространства и содержащих информацию о передвижениях объектов внутри этого пространства. Общеизвестен факт активного использования носителями разных форм русского национального языка глаголов движения и их дериватов для обозначения ментальных действий и состояний, как положительных, так и отрицательных, ср.: литер. *ход мысли*, *научный подход*, разг. *сойти с ума*, жарг. и диал. *догнать* 'понять' [СРНГ, 8, 88; БСЖ, 160], молодеж. и угол. *въехать* 'понять' [БСЖ, 113] и др.

В каждом субъязыке этот фрагмент языковой картины мира организован по-своему, имеет собственный колорит, хотя многие элементы (модели, образы) универсальны. Диалектный материал запечатлел в себе результаты наблюдения носителя языка за тем, как протекает процесс мышления, какие он имеет этапы, какие движения совершает субъект мышления или различные идеальные объекты, которые также видятся наделенными двигательной способностью. Сложившиеся представления, закрепленные в диалектных единицах, и стали предметом рассмотрения в данной статье.

Последовательность описания моделей во многом определена стремлением «выстроить» интеллектуальную ситуацию, точнее, реконструировать видение ее носителем диалекта. Под таковой понимается сама мыслительная операция или оценка умственного здоровья, поскольку заключение об интеллектуальном благополучии или интеллектуальной неполноценности выносится обычно тоже на основании наблюдения за тем, как протекает умственная деятельность и насколько она успешна.

1. Ум как замкнутое пространство, место пребывания субъекта интеллектуальной деятельности

Интеллектуальное благополучие понимается носителями русских народных говоров как пребывание субъекта мыслительной деятельности в не-

ком замкнутом пространстве, которым могут являться *ум*, реже – *разум* и *рассудок*, иногда – *толк* и *память*.

Группа языковых фактов позволяет обнаружить ситуацию пребывания человека как субъекта интеллектуальной деятельности в этом пространстве, свидетельствующую о его умственном здоровье: арх. *на уме* ‘в здоровом рассудке’ [КСГРС], барнаул. *быть в разуме* ‘быть в нормальном психическом состоянии, понимать что-либо’ [СРНГ, 34, 70]. Неслучайно это пространство обладает такой немаловажной характеристикой, как принадлежащее индивидууму, т. е. «свое». Человек имеет «право собственности» на это пространство: ряз. *в своем уме* ‘кто-либо вырос, стал взрослым и может самостоятельно принимать решения, здраво рассуждать’ [Там же, 36, 316]. Нахождение за его пределами – свидетельство умственного неблагополучия: арх. *в неуме* ‘о сумасшествии’ [Там же, 21, 193], рост. *не в своих п’амятах* ‘не в своем уме’ [Там же, 25, 191], *потеряться с толку* ‘утратить сообразительность’ [НОС, 8, 153]. (Ср. ситуацию отчуждения собственности, описывающую интеллектуальную несостоятельность: пск. *голова чужая* ‘об ощущении затруднений при соображении’ [ПОС, 7, 52], арх. *чужая стала* (о голове) ‘начать плохо соображать’ [КСГРС]).

Состояние раздумья тоже представляется как пребывание человека в каком-то пространстве: нижегор. *быть на п’омысли* ‘думать о чем-либо’ [СРНГ, 29, 237].

Глаголы *войти*, *взойти*, *дойти* и *выйти*, *выбиться*, *выбыть*, *отойти* называют основные возможные передвижения, имеющие непосредственное отношение к ментальному пространству: см., с одной стороны, пск. *войти в ум* ‘поумнеть, образумиться’ [СРНГ, 5, 34], краснояр. *войти в ум* ‘выздороветь после психического заболевания’ [ФСРГС, 30], смол. *дойти до розума* ‘осознать что-либо’ [СРНГ, 35, 166], записанное в верховьях Лены *войти в память* ‘собраться с мыслями, опомниться’ [Там же, 25, 191], кемер. *взойти в разум* ‘прийти в себя’ [Там же, 34, 70]; с другой стороны, волог. *выйти из ума* ‘потерять рассудок’ [СГРС, 2, 226], том. *выйти из толка* ‘потерять сообразительность’ [ФСРГС, 36], рост. *отойти от памяти* ‘сойти с ума’ [СРНГ 25, 191], урал. *прийти в безумие* ‘обезуметь, лишиться ума’ [Там же, 31, 233], моск. *прийти в безумство* ‘сойти с ума’ [Там же, 2, 202], кемер. *выбыть из рассудку* ‘сойти с ума’ [ФСРГС, 34], том. *выбыть из рассудку* ‘стать сумасшедшим’ [СРНГ, 5, 251], новосиб. *выбиться из ума* ‘потерять рассудок’ [ФСРГС, 34], ворон. *об исходе* ‘сходя с ума’ [СРНГ 21, 338]. Такие случаи трудно отграничить от языковых единиц, содержащих метафору пути (см. далее).

«Покинуть» мыслительное пространство можно и в результате падения: арх. *с ума свалиться* ‘потерять рассудок’ [СРНГ, 36, 205], дон. *рухнуть-ся (с ума, умом)* ‘сойти с ума’ [Там же, 35, 245].

Вхождение в это пространство может совпадать с взрослением: курган. *прийти в разум* ‘становиться умнее, взрослеть’ [СРНГ, 31, 234]. Кроме того, на человека можно оказать такое воздействие, результатом которого явится удаление субъекта интеллектуальной деятельности из собственного интеллектуального пространства: смол. *свести с розума* ‘довести до потери рассудка’ [СРНГ 35, 166], олон. *вывести с разума* ‘то же’ [Там же, 34, 70].

Любопытно, что ментальное пространство должно быть строго ограничено, и ум должен занимать свое место, не посягая на другие «участки» личного пространства человека: «засилье» разума, чреватое, по-видимому, отказом от эмоций, не одобряется носителем языка, ср. север. *иметь разум во всех сторонах* ‘быть излишне рассудочным, скучным’ [СРНГ, 34, 70].

2. Процесс мышления как движение идеальных сущностей

Интеллектуальное пространство человека видится и как место, где происходит передвижение неких идеальных объектов – мыслей или ума. В омск. *на уме крутится* ‘вертится в голове’ [ФСРГС, 99] возникает картина хаотичного движения мысли, причем «самостоятельного», т. е. происходящего без вмешательства человека. Более того, здесь присутствует коннотация ‘неуловимая; такая, которую трудно поймать, схватить; ускользающая от человека’. Мысль предстает как самодостаточная, независимая от человека и его умственных усилий в перм. *мысля заходила* ‘подумалось, помечталось кому-либо’ [СРНГ, 19, 62] и олон. *ум пошел* ‘начать размышлять, думать о чем-либо’ [Там же, 28, 363], но в последнем случае движение имеет другой характер – это линейное передвижение, о целях которого можно только догадываться. Возникает вопрос о том, почему направление движения идеальных сущностей остается «за кадром». Ответ на него имплицитно присутствует в арх. *водить в уме (умом)* ‘обдумывать, раздумывать, соображать’ [СРНГ, 4, 338], *водить в умах* ‘предполагать, знать’ [СГРС, 2, 136], ряз. *мысли вести (вести)* ‘думать о чем-либо, говорить что-либо’ [СРНГ, 19, 62] и записанном на территории КАССР *водить на разуме* ‘думать о ком-либо’ [Там же, 4, 338]. Здесь в поле зрения появляется субъект интеллектуальной деятельности, который осуществляет управление идеальными субстанциями. Стремление к цели пути – его прерогатива.

Интересно, что ослабление умственных способностей видится как движение назад, видимо, в противовес развитию как движению вперед: новосиб. *ум назад пойдет* ‘теряется рассудок, память от старости’ [ФСРГС, 204].

Интеллектуальная неполноценность может быть описана также через столкновение идеальных сущностей, передвигающихся в ментальном пространстве: новосиб. *мотив на мотив заходит* 'теряется способность трезво, разумно рассуждать, действовать; ум за разум заходит' [ФСРГС, 114].

Наконец, умственная несостоятельность представляется как неумение сосредоточиться на чем-либо в процессе мышления, как некое центробежное движение мыслей: омск. *ум разошелся* 'кто-либо не в состоянии понять что-либо, сосредоточиться, догадаться о чем-либо' [СРНГ, 34, 51], терск. *ум-разум расхóдит* 'ум за разум заходит' [Там же, 300], костром., волог. *разум-кóм расхóженький* 'о слабоумном человеке' [Там же, 73]. Сходным образом сконструированы новг., иркут. *ум расступается (расступился)* 'кто-либо теряет рассудок' [СРНГ, 34, 234], калуж. *ум раскорячился* 'ум за разум зашел' [Там же, 133], ум нараскоряку краснояр. 'ума не приложу' [Там же, 132], забайк. 'несобранность в мыслях' [ФСРГС, 204], которые, возможно, следует интерпретировать как «ум раздвинулся в стороны». Это «расхождение» приводит к результату, отраженному в омск. *толку не свести* 'утратить способность здраво рассуждать' [ФСРГС, 173].

3. Инициация мыслительного процесса как вторжение идеальных сущностей в интеллектуальное пространство индивидуума

По данным русских народных говоров, человек или (чаще) его голова и ум могут быть подвержены насильственному вторжению идеальных сущностей, иницирующих тем самым мыслительную деятельность человека.

Интеллектуальное начало, осуществляющее наступление, зачастую предстает безличным, что находит и соответствующее формальное выражение: амур. *напало на ум* [ФСРГС, 119], тюмен. *полезло на ум* [СДЛ, 124], омск. *взошло на ум* [ФСРГС, 26], арх. *прибрело на ум*, перм. *прибрело* [СРНГ, 31, 122], новосиб. *зашло на ум* [ФСРГС, 77], симб. *встрéлило* [СРНГ, 5, 215] с общим значением 'пришло на ум/в голову, вздумалось'; ср. олон. *не пришло в разум* 'не подумал, не сообразил, не вспомнил' [Там же, 31, 234].

Иногда это интеллектуальное начало приобретает свое лицо, конкретизируясь в *мысль*: смол. *мысли берут* 'находит раздумье' [СРНГ, 19, 61], перм. *вздумье нашло (берет, взяло)* [СРГСУ, 1, 78], урал., сиб. *напахну́л ум* 'пришла в голову мысль, догадался кто-либо' [СРНГ, 20, 67].

Картина воздействия перечисленных идеальных сущностей (нечто не имеющее имени, *вздумье, ум, мысли*), а именно совершаемого ими помимо воли человека освоения его ментального пространства, дополняется еще

одним элементом – нежеланием покидать «захваченную» территорию: ряз. *не идить с ума (с головы)* ‘быть постоянно в мыслях, не выходить из головы’ [СРНГ, 25, 77], смол. *дума с розуму не идет* ‘постоянно думает кто-либо о чем-либо’ [Там же, 35, 166].

Во внутренней форме ряда диалектных единиц запечатлена ситуация, когда умственная работа инициируется «падением» идеальных сущностей в интеллектуальное пространство индивидуума, ср. широко распространенную в русских народных говорах конструкцию *пасть в голову* (*мысль, память, догадку, разум, на ум*) ‘прийти в голову, на ум, вспомниться’ [СРНГ, 25, 124; КСГРС], а также том. *вспасть на ум* ‘прийти в голову’ [СРНГ, 5, 208], омск. *впасть на ум* ‘прийти в голову’ [ФСРГС, 31], костром. *впасть в мысль* ‘пасть на ум’ [СРНГ, 5, 170], том. *мысль пала* и перм. *мысля пала* ‘пришла в голову, возникла мысль, догадка’ [Там же, 19, 62], арх. *пáлось* ‘показалось, подумалось кому-либо что-нибудь’ [Там же, 25, 125]; ср. перм. *на ум не выпасть* ‘не приходиться на ум, не вспоминаться’ [СРГСУ, 2, 190].

Наряду с захватом и падением отмечены и альтернативные способы проникновения в мыслительное пространство интеллектуальной субстанции, обладающей свойством вневходимости по отношению к человеку. «Воротами» для нее могут быть, например, глаза и рот: см. в говорах Зауралья *приплыть к губам* ‘прийти на ум, вспомниться’ [СРНГ, 31, 349], *в рот не въехало* ‘не догадался’ [НОС, 1, 145], новосиб. *в глаза вздумало* ‘подумалось, пришло в голову’ [ФСРГС, 26].

Закономерно возникающий вопрос о том, откуда берутся те идеальные объекты, которые время от времени проникают в интеллектуальное пространство человека, остается открытым: диалектные языковые факты не дают на него ответа.

4. Ум как место хранения интеллектуального багажа

Субъект мыслительного действия может манипулировать идеальными сущностями. Например, он может по собственной инициативе «приобретать» их: арх. *брать мысль* ‘думать, намереваться что-либо сделать’ [СРНГ, 3, 166].

Он также способен помещать интеллектуальную «собственность» в специально предназначенное для этого пространство: *в голову заложить* ‘постоянно навязчиво думать о чем-либо’ [НОС, 3, 43], ряз. *класть в разум (разуме)* ‘думать, предполагать’, арх. *класть на разум* ‘соображать, смекать; обсуждать, обдумывать’ [СРНГ, 13, 267], омск. *прибрать на мысли* ‘узнать’ [ФСРГС, 51], ленингр. *взять в ум* ‘подумать, надумать’ [СРНГ, 4, 272], нижегор. *брать в ум (разум)* ‘понимать’ [Там же, 3, 166].

Он в состоянии удерживать идеальные объекты в этом пространстве: олон. *держать в умах* 'думать, предполагать' [СРНГ, 8, 23], записанное на р. Урал *держать в разуме* 'думать о чем-либо' [Там же, 34, 70] и на территории КАССР *держать на разуме* 'держать в голове, мыслях' [Там же, 8, 22].

Он может воспользоваться тем интеллектуальным багажом, который хранится в его мыслительном пространстве: иркут. *брать с ума* 'разрешать что-либо (вопрос, задачу) самостоятельно' [СРНГ, 3, 166].

Он, кроме того, обладает способностью перемещать, перебирать имеющийся материал в поисках того, что необходимо: *переворочать* 'перебирать (все) мысленно' [НОС, 7, 117], *пошевеливать в голове* 'думать, соображать' [ПОС, 7, 51].

5. Интеллектуальное бессилие как результат захвата мыслительного пространства враждебными сущностями

Ослабление умственных способностей человека представлено в русской народной картине мира также как результат захвата «территории» его мыслительной деятельности. «Захватнические» действия выявляет глагольная лексика: *напасть, найти, взять, хватить, ударить*. «Захватчик» остается безликим (сиб. *вступило в голову* 'об утрате способности соображать, понимать' [ФСРС, 32]) либо в этой роли выступают *неум, глум, морóки, пáморочи (пáморки)*: арх. *не́ум (не́ум) взял* 'о сумасшествии' [СРНГ, 21, 193], брян. *пáморочи хватили* 'о невменяемости', смол. *пáморки напали* 'то же' [Там же, 25, 185] и др. Объектом «нападения» является голова человека, которая, собственно, и включает в себе интеллектуальное пространство индивидуума: ворон. *морóки ударяют в (на) голову* 'наступает помрачение рассудка' [СРНГ, 18, 273], *глум в голову зашел (пошел)* 'о помрачении ума, расстройстве умственных способностей' [ПОС, 6, 187]. Нередко происходит перенос с головы человека на него самого, ср. глагольное управление во фразеологизме *глум нашел* на кого-либо 'о помрачении ума, расстройстве умственных способностей' [Там же].

«Военные действия», таким образом, идут на территории ума, который «сдает свои позиции»: арх. *ум отходит* 'об ослаблении умственных способностей' [СРНГ, 24, 354], тюмен. *ум отступится* 'о состоянии, при котором кто-либо не может понять, постичь что-либо' [СДЛ, 169].

Наконец, в выражении *бестолочью обтянуло* 'поглупеть, начать плохо соображать' [СРГК, 1, 71], бытующем в русских говорах Карелии, присутствует образ, лишенный воинственности и наступательной агрессии, но в нем

человеческий ум предстает как пространственный объект, который как бы попадает в окружение, в «паутину», в сети чего-то чужого, инородного, противоположного.

6. Мыслительное действие как размещение идеальных сущностей в пространстве

В русских народных говорах мыслительная деятельность и ее завершение могут быть описаны при помощи глаголов *класть* и *положить*: олон. *положить мысль (разум)* 'остановиться на каком-либо решении' [СРНГ, 29, 102] и др. Здесь помещение идеального объекта в некую точку пространства означает остановку движения мысли, а потому чрезвычайно важна сема 'придать неподвижность'.

Высказывая свое мнение, человек излагает свою позицию, т. е. вновь в поле зрения попадает расположение в пространстве неких идеальных объектов: новг. *класть* 'думать, предполагать что-либо' [НОС, 4, 48], курск., алт. *покладать* 'думать, считать' [СРНГ, 28, 380], вят. *облагать* 'полагать, думать' [Там же, 22, 80].

Мысль выступает как пространственный объект, имеющий свое место, ср. твер., яросл. *подводить под мысли* 'убеждать в чем-либо' [СРНГ, 19, 62], где возникает картина движения одного человека в сопровождении второго к неподвижному идеальному объекту.

Интерпретируя свердл. *прикладывать* 'думать, соображать, прикидывать в уме' [СРГСУ, 4, 128], следует учитывать добавочные семы, привнесенные префиксом. В данном случае он означает направленность мыслительного действия, иначе говоря, речь идет о необходимости применить умственные способности. Интеллектуальная деятельность человека видится так, будто человек «берет» свой ум и «приближает» его к тому объекту, который стремится познать. Так же можно объяснить и арх. *класть ум* 'думать, соображать' [СРНГ, 13, 267].

7. Мыслительная акция как продвижение субъекта интеллектуального действия по дороге

Эта модель возникла как результат непосредственного наблюдения диалектоносителей за работой мысли, хотя гораздо чаще под их пристальным вниманием оказывается состояние ума, умственные способности – свои или чужие.

Итак, в диалектной лексике мыслительные действия предстают как линейные перемещения субъекта интеллектуальной деятельности в пространстве.

В этом случае можно говорить о метафоре умственного процесса как пути. Отмеченными в языковом материале оказались два варианта развития образа.

Во-первых, разрешение какого-либо вопроса часто ассоциируется с выбором правильного направления движения. Так, курск. *натрапіть* 'найти верное решение, додуматься' [СРНГ, 20, 230] является дериватом глагола *натраплять* 'внезапно находить, обнаруживать, нападать на след' [Там же]. Арх., перм., волог. *па́даться* 'догадываться, соображать, вспоминать' [СРНГ, 25, 125; КСГРС] производно от бытующего в тех же говорах глагола *па́стись* 'случайно наткнуться, неожиданно обнаружить, встретить что-либо' [СРНГ, 25, 125]. Обратная ситуация безуспешного поиска дороги, метафорически описывающая тщетность интеллектуальных разысканий, запечатлена в пенз. *тору не найти* 'не найти пути к правильному решению какого-либо вопроса' [СРНГ, 19, 301], омск. *в двух соснах заблудиться* 'не суметь разобраться в чем-нибудь простом' [ФСГРС, 74], брян., курск. *заплутать* 'сбить с толку кого-либо' [СРНГ, 10, 331].

Умственно неполноценный человек представляется как потерявшийся, блуждающий: ворон. *колобродный* 'ненормальный, помешанный' [СРНГ, 14, 147], волог. *бродячий* 'дурак' [СГРС, 1, 188].

Во-вторых, завершение мыслительного процесса может соотноситься с достижением цели пути, т. е. приближением движущегося объекта к некоей точке пространства: волог. *добратся* 'догадаться, сообразить, понять' [КСГРС], арх., астрах. *догнать* 'понять' [СРНГ, 8, 88], арх. *догоніть* 'понять, догадаться' [КСГРС], *додуть* 'догадаться' [НОС, 2, 89], влад. *достремиться* 'догадаться, смекнуть' [СРНГ, 8, 149]. Ср. литер. разг. *дойти* 'достичь понимания чего-либо; додуматься' [СРЯ, 1, 418].

Обозначения интеллектуально полноценного человека обнаруживают представление о нем как о способном устремляться и продвигаться к цели: влад. *дострёмливый* и *дострёмчивый* 'догадливый, смысленный, сметливый' [СРНГ, 8, 149], *дохожий* 'находчивый' [НОС, 2, 100], калуж. *дотёпис-тый* 'умный, сообразительный, опытный' [СРНГ, 8, 154], моск. *доступный* 'способный понять что-либо, овладеть чем-либо' [Там же, 150]. Глупый человек, напротив, видится как не обладающий такой способностью: арх. *недошлый* 'глупый; слабоумный' [КСГРС], перм. *недошлица* 'умственно отсталая, недоразвитая женщина' [СРНГ, 21, 37], волог. *непрошловатый* 'несообразительный' [КСГРС].

Наименования мыслительной способности и интеллектуального багажа также апеллируют к образу результативного движения: волог. *дошлость* 'находчивость', влад. *дострёмка* 'смысленность' [СРНГ, 8, 165, 149], волог. *доход* 'знание, понимание, представление' [КСГРС].

8. Ум как путь

Здесь дорога предстает не как траектория движения мысли или субъекта интеллектуального действия, находящегося в поисках ответа на какой-либо вопрос. От модели «мыслить – двигаться по дороге» следует отличать, как нам кажется, метафору правильной, общественно приемлемой жизни как следования по пути. Так, к лексеме *путь* непосредственно восходят некоторые обозначения умного человека: олон., перм. *путний* ‘умный, толковый, дельный’, омск., том. *путявый* ‘толковый, дельный, полезный’ [СРНГ, 33, 159, 263], в семантике которых собственно интеллектуальные характеристики человека соседствуют с оценкой его деловых качеств (серьезного отношения к работе, способности трезво рассуждать, деловой хватки). Ср. также употребление в русских народных говорах слова *путь* в устойчивых словосочетаниях, значения которых содержат сему ‘полезный/бесполезный’: том. *без путя* ‘без толку, зря, напрасно’, олон. *в путь* ‘на пользу, на здоровье’, смол. *идти (пойти) в путь* ‘приносить пользу’ [Там же, 157] и др. Ср. также прост. *путь* ‘толк, польза’ [Ожегов, 634]. Жить, опираясь на практический ум, значит вести определенный образ жизни, постоянно думая о пользе дела, совершая такие действия, которые были бы выгодны во всех отношениях, тщательно планируя свои действия в соответствии с критерием полезности (волог. *в путь* ‘дельно, как следует’ [СРНГ, 33, 157]).

В свою очередь, тот, в ком нет толка (*толк* – та же польза, прок [ССРЛЯ, 13, 540]), т. е. бестолковый, видится как не нашедший пути, по которому следовало бы продвигаться: волог. *беспута* и арх. *беспутник* ‘бестолковый человек’ [СГРС, 1, 109], *беспутевый* [НОС, 1, 55], арх. *беспутявый* ‘бестолковый’ [СГРС, 1, 109] и свердл. *беспутица* ‘то же’ [СРГСУ, 1, 44], арх. *непутевый* ‘глупый, непонятливый’ [СРНГ, 21, 136], иркут. *бэспуть* ‘неопытный, несообразительный человек’ [Там же, 2, 276], том. *без пути* ‘бестолковый (о человеке)’ [ФСРГС, 159].

Человек, теряющий здравый рассудок, сходит с проторенной дороги: омск. *сбродить с ума* [ФСРГС, 172], вят. *попятить с ума* [СРНГ, 30, 27], кемер., иркут. *сбиться с ума* [ФСРГС, 171], арх. *покатиться с ума* [СРНГ, 28, 372] с общим для них значением ‘сойти с ума’; пск., твер., олон. *с грунту сбиться (столкнуться)* ‘сбиться с толку, выжить из ума’ [Там же, 7, 169], пск. *сгэрунтиться* ‘сбиться с толку’ [Даль, 4, 165].

В ворон. *с круга сбиться* ‘лишиться разума (от ярости)’ [СРНГ, 36, 172] под *кругам* вряд ли подразумевается часть плоскости, ограниченная окружностью. Скорее, круг здесь следует понимать как путь, замыкающийся в кольцо, и видеть в нем знак привычного течения жизни человека, которому приписыва-

вается норма умственных способностей (ср. литер. книжн. *на круги своя возвращаться* 'возвращаться к прежнему состоянию' [СРЯ, 2, 136], подчеркивающее ассоциацию круга с привычными или повторяющимися действиями). Переживание бурных эмоций (например, ярости) оценивается как нечто из ряда вон выходящее и изображается как отклонение от пути.

Человек может отрицательно воздействовать на рассудок другого человека, и в языковой картине мира диалектоносителя это выглядит так, будто один уводит другого с верного пути: пск. *сбить с грунту* [СРНГ, 36, 172], новосиб. *сбить с ума* [ФСРГС, 172] в значении 'свести с ума'.

Приведенный здесь ряд лексем (*путявый, беспуток, сбиться с ума* и др.) позволяет реконструировать концептуальную связь *ума* и *пути*. Понятие *ум* в данном случае имеет расширенное толкование (*ум* – то, что необходимо для выполнения дела, работы) и, как следствие, несколько расплывчатые границы, о чем свидетельствует набор значений (см. выше). В свою очередь, понятие *путь*, основные значения которого – 'дорога' и 'линия движения в пространстве', стало основой наименования человека по его интеллектуальным способностям благодаря вторичным значениям этого слова – 'польза, толк' и 'образ действий, направление деятельности'. Согласно народным представлениям, *ум* должен приносить пользу. Умение применить практический *ум* на деле определяет основную линию поведения человека в жизни: такой человек живет *по уму*, словно идет по дороге, и начать совершать необдуманные, бесполезные поступки означает свернуть с дороги.

Метафора отклонения от пути тесно переплетается с двумя другими метафорами, описанными выше. Одна из них – метафора умственной неполноценности как выхода субъекта интеллектуальной деятельности за пределы своего мыслительного пространства. Часть диалектного материала позволяет реконструировать ситуацию, когда в этом пространстве появляется направленность и оно становится дорогой. По сути, перед нами трудно-различимые варианты одной модели, согласно которой *ум* есть некое пространство, а наступление интеллектуальной неполноценности – выход за его пределы (удаление из некоего локуса либо отклонение от линии-дороги). Есть языковые факты, которые вообще не представляется возможным однозначно квалифицировать и отнести к тому или иному варианту, и их большинство, например, волог. *отставать от ума* 'сходить с ума' [СРНГ, 24, 320], рост. *отойти от ума* 'то же' [Там же, 255] и др. Интерпретация в рамках модели 'ум – путь' диалектных единиц, восходящих к лексеме *грунт* (*сбить, сбиться, столкнуться с грунту* и *сгрунтиться* – см. выше), может вызывать сомнения, так как пск. *грунт* имеет только два пространственных значения – 'поверхность земли' и 'участок земли, на котором находятся дом с хозяй-

ственными постройками и огород; усадьба' [ПОС, 8, 55] – ни в одном из которых не возникает образ пути.

Другая метафора, имеющая «сюжетное» сходство с моделью «ум – путь» – мыслительная акция как продвижение по дороге. В этом случае *сбиться с дороги (заблудиться)* означает сделать ошибку в ходе размышления, временно утратить сообразительность.

Модель «глупеть, сходить с ума – сбиваться с дороги» находится на пересечении трех моделей: (1) «быть умным, толковым – идти по верному пути», (2) «мыслить – двигаться по дороге в определенном направлении», (3) «быть умственно здоровым – находиться внутри пространства мысли». Трудно сказать, какая из них явилась базой для метафорического осмысления ситуации ослабления умственных способностей, но все три модели питают этот образ, обеспечивают его стабильное существование и являются залогом того, что этот образ не утратит актуальности в наивной картине мира русского человека.

Вполне закономерно, на наш взгляд, что образованность тоже ассоциируется в русских народных говорах с дорогой, необразованность – с бездорожьем: ср. север. *неторёный* 'незнающий, неумелый', волог. *торёный* 'то же' («На чужой дальней стороне – Там уж люди ученые, там уж люди торёные») [СРНГ, 21, 177]. Акцент в приведенном контексте на разделении социума на своих и чужих, живущих в разных местах и по-разному, подсказывает, что тут не обошлось без влияния метафоры «дикий, живущий в глуши – глупый, необразованный». Основной атрибут глухого места – лес, непролазные заросли (иркут. *темный лес* – *никакого просвета* 'глупый, тупой' [ФСРС, 105]) – явная противоположность торным дорогам как символу ума и образованности.

9. Ум как багаж, приобретенный в дороге

Некоторые обозначения знающего человека производны от глагола *ходить*, но при этом не реализуют метафору пути, описанную выше. Имеются в виду урал., волог. *проходимец* и *проходимка* (жен.) 'бывалый человек, много видевший, много знающий' [СРГСУ, 5, 38; КСГРС], свердл. *проходимой* и *проходной* 'знающий, толковый, опытный, сметливый' [СРНГ, 33, 30, 32], волог., смол., куйбыш. *проходец* 'умудренный жизнью человек' [Там же, 30], влад., забайк. *прошлец* 'человек, побывавший во многих местах и много видевший, знающий, бывалый' [Там же, 52]. Они свидетельствуют о том, что, в понимании диалектоносителей, знания приобретаются опытным путем: везде побывавший человек знакомится с жизнью, становится умнее.

10. Человек как локус существования глупости

Наименования некоторых локусов – *место, поле, гнездо* – могут приобретать значение ‘средоточие, место скопления чего-либо’. Во внутренней форме ряда диалектных единиц запечатлена ситуация, когда человек представляется как место, где расположилась или обитает глупость: волог. *ди́ко место* ‘о плохо соображающем или помнящем что-либо человеке’ [КСГРС], арх., волог., твер. *дураково поле* ‘о глупом, бестолковом человеке, дураке’ [СРНГ, 8, 264], калуж. *дурье гнездо* ‘то же’ [Там же, 266].

Итак, порядок следования моделей обусловлен логикой описания элементов интеллектуальной ситуации. Первые пять моделей показывают, что ум видится человеку как пространство, для которого определены границы и в котором «курсируют» различные объекты, имеющие туда свободный доступ и могущие оттуда беспрепятственно удалиться. В поле зрения номинатора попадают основные участники ситуации и отношения между ними.

В соответствии с первой моделью лицом, пребывающим в ментальном пространстве и передвигающимся в нем, является субъект умственной деятельности. Вторая и третья модели демонстрируют существование идеальных объектов (мыслей и др.), обладающих свойством «самовольно» проникать в то же самое пространство и передвигаться в нем. Содержание четвертой модели составляют сведения о взаимоотношениях между этими участниками ситуации. Наконец, пятая модель, объединяющая номинации интеллектуального бессилия, воссоздает картину вторжения в пространство ума неких враждебных сущностей и позволяет тем самым зарегистрировать еще одного участника описываемой ситуации – агрессора-захватчика, в роли которого выступает само состояние умственной неполноценности (глупость или безумие).

Для последующих трех моделей пребывание субъекта мышления в интеллектуальном пространстве неактуально, но именно он остается основным действующим лицом. Шестая модель отражает ситуацию, когда субъект использует свою мыслительную способность как виртуальный предмет, так или иначе располагая его в виртуальном пространстве, которое, по-видимому, не равно интеллектуальному пространству, принадлежащему конкретному индивидууму и описанному в первых пяти моделях.

Своеобразный тематический блок составляют седьмая и восьмая модели. В обоих случаях реконструирован образ дороги, но он имеет разную мотивацию. Седьмая модель вскрывает представление о мыслительной деятельности как продвижении по дороге. Восьмая изображает того, кто при-

меняет ум для пользы дела (т. е. обладает практическим умом), как идущего по верному пути; таким же видится и образованный человек.

К этому блоку близка девятая модель, объединяющая наименования умного человека, производные от глаголов движения. Здесь образ дороги внешне отсутствует, но сама логика развития значений предполагает представление об умном человеке как о много повидавшем, прошедшем жизнь в пути.

Десятая модель отражает ситуацию, когда человек становится локусом интеллектуальной неполноценности, отождествляясь с ней.

Из представленного набора моделей нельзя составить целостную картину, так как некоторые из них взаимоисключают друг друга. Например, ум – это и пространство, по которому передвигается субъект мышления, и пространство, куда проникают, где существуют и движутся идеальные объекты, и место хранения интеллектуального багажа. Мысль то перемещается независимо от субъекта мышления, то непосредственно управляется им. Все это демонстрирует мозаичность данного фрагмента языковой картины мира.

К. В. Пьянкова

Метеорологические явления и их «пищевая» интерпретация в лексике русских народных говоров

Уже А. Н. Афанасьев заметил, что существуют мифы, в которых человек пытается объяснить метеорологические явления: «Древнейший язык, давая названия предметам по их признакам, сблизил и отождествил все, что только напоминало текущие струи влажной стихии; поэтому не только вода, но и молоко, моча, сок дерева, растительное масло и общеупотребительные напитки (мед, пиво, вино) дали метафорические выражения для дождя»¹. Ведущим типом отождествления, на котором держится метеорологический миф, является отождествление осадков с пищевыми продуктами: «Любопытны свидетельства языка, указывающие на уподобление грозы и ненастья – приготовлению хмельных напитков: област. замоложáветь употребляется в смысле: захмелеть, опьянеть, а моложить применяется к погоде и значит: затягивать небо тучами, делаться пасмурным; моложный – туманный, се-

¹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. Т. 2. С. 368.